

*Пегромкие люди
Марии Метлицкой*

Читайте повести и рассказы

Мари Метлицкой

в серии «Негромкие люди»:

.....

Бабье лето

Понять, простить

Обычная женщина,
обычный мужчина

Свои и чужие

На круги своя

Моя мама
ветеранка

На крыльях своих

Москва
2017

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М54

Оформление серии,
иллюстрация на суперобложке и переплете
Петра Петрова

Метлицкая, Мария.

М54 На круги своя : [сборник] / Мария Метлицкая. — Москва :
Издательство «Э», 2017. — 384 с. — (Негромкие люди Марии
Метлицкой. Рассказы разных лет).

ISBN 978-5-699-98555-5

В молодости человек живет в предвкушении счастья. Кажется, до него рукой подать. Еще чуть-чуть — и оно придет, накроет волной, захлестнет. Известное выражение «Счастье в простых вещах» кажется не просто несправедливым, но даже оскорбительным: каждый день ходить на работу, любить одного и того же человека, варить борщ и воспитывать детей — это счастье? Нет, конечно!

Но наступает момент, когда приходит осознание — счастье именно в простых вещах. В работе, которую делаешь день изо дня, в любимом человеке, который мало похож на рыцаря в доспехах и даже на любимого актера. Но это он приносил чай с малиной, когда ты болела, и решал с вашим ребенком задачи по математике.

И мы возвращаемся на круги своя — там, где нас любят и ждут, где нас окружают те самые простые вещи, из которых и складывается счастье.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98555-5

© Метлицкая М., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

На кручи своя

— **А** браслет я отдам Люське, — бубнила Тереза.

— Ага, отдай, — откликнулась Нана и добавила тише, глубоко вздохнув: — Господи, ну как же мне все надоело!

Она влезла на старый шаткий венский стул и потянулась к верхней полке огромного темного резного буфета. Боже, сколько на нем резных финтифлюшек, затейливого деревянного кружева, крученых непонятных цветов, утиных и рыбьих голов — и сколько же на всем этом старье пыли! Тереза, увлекшись любимой темой, продолжала:

— Борьке квартиру, а кому еще? Все-таки он единственный кровный родственник.

Это камень в Нанин огород — знай и ни на что не рассчитывай!

— Хотя, — вздохнув, добавила Тереза, — Борька, конечно, сволочь. Только и ждет, когда я подохну. Все ждут!

Опять за свое! Однако в этих словах была доля правды, причем приличная доля. Нана старалась считать, что к этим «всем» она не относится. Это было несложно — рассчитывать на что-нибудь у нее причин особенно не было. Тереза

за надолго замолчала и немигающим взглядом уставилась в окно.

— Что молчишь? — вдруг крикнула она Нане. — Тебе, что ли, думаешь, квартира?

Нана спрыгнула со стула, села на него, посмотрела на Терезу и тихо сказала:

— Ну оставь, пожалуйста. Ничего я не жду.

— Врешь! — выкрикнула Тереза и повторила: — Врешь! Святошу из себя корчишь, а сама только и думаешь, что же отвалится лично тебе.

— По себе судишь, — ответила Нана. — Обед греть?

Тереза встрепенулась:

— Что ты там накулемала? Опять небось овощной суп? Надоело до чертей. Хочу мяса, жареного мяса, лобио хочу, сулгуни. Ты грузинская женщина? Или диетсестра в больнице?

— Одно другому не помеха, — ответила Нана. И добавила: — А про все вышеперечисленное я тебе давно советую забыть. Если, конечно, ты хочешь жить дальше.

— Жить? — возмутилась Тереза. — Это называется жизнью? Без чашки кофе по утрам, без рокфора, без бисквитов с джемом? Если это жизнь, то смерти я точно не боюсь.

Тереза скорчила гримасу, одну из тех, которой она часто пользовалась в жизни и которая, видимо, когда-то прекрасно работала, — гримасу обиженной девочки. И застучала ногтем по столу. Ногти у нее были длинные, очень крепкие, слегка загибающиеся вовнутрь. Нана махнула рукой и пошла на кухню. Пока грелся суп, она застыла у окна — выпал первый снег, и было нарядно, торжественно и светло.

Нана уехала из Тбилиси почти десять лет назад. Тогда ей было двадцать семь. Уезжала, да нет, убежала она из холодной, нетопленной квартиры, от ненасытной «буржуйки», которая пожирала невероятное количество дров и ее, Наниных, сил, от одинокой темноты по вечерам — свет давали всего на несколько часов. Убежала от одиночества, отчаяния,

безработицы и безденежья. И еще от своего затянувшегося и дурацкого романа, отнявшего у нее все жизненные силы. Романа, не имеющего ни перспектив, ни легкого и скорого, подспудно желаемого конца. Объект назывался Ираклий, был он художник, абсолютно одержимый и такой же абсолютно нищий.

Наверное, гений, так как обычному человеку все же нужно много всего: мебель, одежда, еда, деньги, наконец. И еще планы на дальнейшую жизнь. Ираклия же не интересовало ровным счетом ничего, кроме холстов и красок. Жил он в полуподвальной, сырой комнате, почти не приспособленной для жилья, спал на раскладушке, зимой и летом носил единственные латаные-перелатаные Наной джинсы, черный, связанный ею же свитер — даже летом он все время мерз — и китайские кеды — тоже круглый год. Питался он лавашом из соседней лавки и чаем. На кофе денег не было. Из дома он выходил по крайней надобности — купить кисти, краски и растворители. Нана приносила ему керосин и подкармливала его — картошка, фасоль, баклажаны. Был он, наверное, большой талант, и посему она мирилась до поры с его странностями. Иногда он делал дивные коллажи из кожи, мозаики и цветного стекла. Она пыталась что-то придумать, кого-то приводила в его мастерскую, бегала по знакомым, но кому это тогда было нужно — в годы разрухи и безвременья? А талантов эта щедрая земля плодила множество. Сама Нана бегала тогда по трем работам — утром на почту, работавшую отвратительно и с перебоями, днем гуляла с соседской собакой, огромным дряхлым сенбернаром, а вечерами мыла посуду в маленькой кафешке. Оттуда и приносила Ираклию что бог, а точнее, хозяин заведения, послал. Ираклий съедал все молча, не глядя, говорил «спасибо» и добавлял, что все это лишнее и что он может вполне обходиться без этого. Нане было обидно до слез. На сколько хватит терпения? У нее хватило на четыре года.

Понимала, что по-другому здесь и быть не может — только терпеть и служить. И восхищаться. Терпела, служила, восхищалась. Потом силы кончились. Позвонила Терезе в Москву, та пообещала:

— Приезжай, что-нибудь придумаем.

Собралась одним днем. Прощаться к Ираклию не пошла. Знала, что он ее не остановит, только плечом пожмет. Зачем же душу теревить? С вокзала поехала прямо к Терезе.

— Таких, как ты, полгорода. Со всех концов бывшей страны. Вот она, ваша драгоценная независимость! Все гордые, а жрать нечего. Все сюда претесь, — хлестала словами Тереза. — Ни на что особое не рассчитывай — только в прислуги. Хочешь, работай у меня, но с жильем устраивайся сама. Я ни с кем никогда не жила и жить не собираюсь.

Жила Тереза в центре, в огромной старой квартире, с высоченными потолками, с лепниной, эркерами и старинным, наборным, уже разошедшимся паркетом. Квартира была в ужасном состоянии — ремонта там не было лет двадцать. Уже тогда вокруг Терезы вились разные ушлые людишки, предлагая обмен с доплатой в любом спальном районе Москвы, загородный дом со всеми удобствами и просто огромные деньги. Старуха была непреклонна — не сдвинуть отсюда никогда. В деньгах особой нужды у нее не было — постоянно, раз в месяц примерно, приходила знакомая тетка с клиентами, которые что-то покупали: то брошь с изумрудами, то часы с амурами, то консоль из карельской березы, то севрских пастушек. Ей вполне хватало на безбедную жизнь. И все это добро не кончалось, не кончалось. Нана никак не могла взять в толк, почему Тереза не оставляет ее ночевать — комнат было три. Но Терезино слово было твердо, и Нана стала искать жилье. Она сняла комнату в частном доме, правда, сразу же за Кольцевой — в общем, еще почти Москва. В доме имелось газовое отопление, и это уже было счастье. Нана все время мерзла. Да разве это трудности после Тбилиси — вода и электричество круглые сутки, на

участке банька. Хозяйка Нану жалела, считала почему-то беженкой и вечером оставляла на плите алюминиевую миску мясных щей и черный хлеб с толстым шматом сала и пучком зеленого лука. В доме было тепло, и Нана, почти счастливая и сытая, быстро засыпала под тяжелым ватным одеялом под размеренное тиканье хозяйских ходиков.

Тереза, конечно, капризничала. Всю жизнь она привыкла быть центром вселенной. Теперь все ушло, испарилось — поумирали любовники и подруги, закончились для нее рестораны и театры, выезды в гости, портнихи, маникюрши, массажистки. Закончилась та жизнь, где все крутилось, вертелось, не умолкало ни на минуту телефон, приносили на дом обеды из «Арагви», спекулянтки привозили тряпки, в ювелирном на Горького тоже был свой директор — в его кабинете она выбирала серьги, в «Тканях» на Герцена перед ней раскатывали километры бархата и шелка, в Елисеевском выносили коробки с ананасами, икрой и балыками, лучшие доктора принимали ее у себя на дому. И каждый вечер она решала сложную проблему — куда пойти сегодня, где будет интереснее и веселее.

Когда-то Тереза была светской львицей и одной из самых известных красавиц Москвы. Про себя она так и говорила: «Моя профессия — красавица». Она родилась в простой рабочей семье — отец ее был поляк, рабочий на камвольной фабрике. Ее, шестнадцатилетнюю девчонку из рабочего Орехова-Зуева, привез в Москву первый муж, увидевший ее случайно и абсолютно сразу же потерявший от нее голову. Было ему около сорока, и занимал он крупный пост в военном ведомстве. Свою семью он оставил моментально и без раздумий, а Терезу не просто обожал, а боготворил. Он понимал, что она истинный алмаз, и на оправу явно не скупился. К двадцати годам недавно нищая и голодная Тереза уже имела личную портниху, косметичку, домработницу, несколько дорогих шуб и полную и абсолютную власть над мужем. Вкус, надо сказать, у нее был отменный от природы,

и она моментально, без переходов, вступила в новую жизнь. К тому времени погиб, попав под электричку, ее отец, остались мать-ткачиха и две младших сестры. Дорогу в поселок она забыла сразу же, а вот шофера с продуктами отсылала туда еженедельно.

Хороша она тогда была сказочно — очень высокая, крутобедрая и полногрудая, с тонкими, длинными пальцами и очень изящной, маленькой ступней. Натуральная пепельная блондинка, с карими, слегка навывкате, глазами, с белоснежной, совсем без румянца, тонкой кожей и крупным, ярким капризным ртом.

Свое убогое детство и юность она с удовольствием забыла, органично вписавшись в столичную жизнь, придумав себе какое-то дворянское происхождение и богатых дальних родственников в Варшаве. Прожили они с мужем всего лет семь — он скончался от инфаркта мгновенно, не пережив каких-то несправедливых пертурбаций на службе. Тереза осталась юной вдовой. Да, конечно, были роскошная квартира, шкафы, полные нарядов, шкатулки с драгоценностями, но совершенно не было средств. Тереза впала в панику и отчаяние, однако выход нашелся довольно скоро — она закрутила роман с начальником покойного мужа. Он был тоже немолод, несвободен, но карусель опять понеслась — гости, подарки, водитель, прислуга. Правда, теперь изменился ее статус — она была только любовницей, и это ее угнетало. Стала присматриваться к возможным кандидатам в мужья. Присмотрела — немолодого, но очень известного актера кино. Он был небогат, но все двери перед ним были нараспах. К тому же престиж. Окрутила она его довольно быстро, а вот с любовником прощаться не собиралась, встречалась с ним тайно на съемной квартире, когда муж отсутствовал в городе. Так продолжалось пару лет, с мужем у нее теперь было совсем иное общество — писатели, композиторы, художники, но и старая связь с генералом казалась тоже незыблемой. Но кто-то стукнул, его припугнули навер-

ху, и от Терезы он отказался. Стал попивать и муж-актер, до которого теперь тоже доползали разные слухи. Брак трещал по швам. Однажды пьяный актер поднял на нее руку, но она — крепкая и сильная, остановила это дело разом, припечатав его к стене. Денег категорически не хватало — у актера уже была репутация сильно пьющего человека, и сниматься его почти не приглашали. Появились новые лица. Он ныл, скулил, жаловался на жизнь и изводил этим бедную Терезу. Роль жены-матери была явно не по ней. С актером она развелась и закрутила роман с набирающим тогда силу поэтом-песенником. Родом он был из Грузии и, абсолютно игнорируя свой брак и тихую, забытую жену, появлялся с Терезой везде и всюду открыто, представляя ее своей музой. С ним она стала тогда ездить по всему Союзу и даже за границу. Властью он был вполне обласкан и любим. Часто бывали они и на его родине, в Тбилиси, где он считался гордостью и национальным героем. Там же, в Тбилиси, Тереза познакомилась с матерью Наны, дальней родственницей поэта. Они даже вполне подружились, если к Терезе вообще можно было применить слово «подруга». Мать Наны присылала ей из Тбилиси посылки — ее любимую чурчхелу, вяленую хурму, орехи, инжирное варенье. А Тереза отправляла в Тбилиси свои старые тряпки, отслужившие ей уже вполне, початые флаконы французских духов, неудобную ей обувь. В общем, началась игра — щедрая богатая дама и бедные благодарные родственники. Впрочем, там все действительно были счастливы и считали Терезу широкой и доброй душой. Ей это было приятно, как всегда приятно кого-то облагодетельствовать. К тому же это давалось легко и не требовало никаких душевных и материальных вложений, что Тереза ценила превыше всего. С поэтом она прожила весело и беззаботно лет восемь, а потом он вероломно предал ее, женившись на восемнадцатилетней дочке их общей приятельницы, объявив теперь своей музой эту малолетку. От предательства и обиды Тереза оправилась не сразу. Осо-

бенно когда поняла, что ей уже под сорок и шансы ее, увы, уже не так высоки, как прежде. Она так долго пребывала в статусе первой красавицы, что смириться с новым положением — брошенной немолодой любовницы — ей было очень нелегко. А сплетни, а насмешники!

Когда она немного оправилась от обид и унижений, то поняла: хватит с нее эксцентричных и непредсказуемых людей богемы. Ей нужен муж, именно муж, а не любовник. Устойчивый, надежный, верный и обеспеченный. С выходом в тираж мириться она категорически не хотела и отправилась в санаторий на море — покой и еще раз покой, массажи, диета, крепкий сон. В Москву вернулась через месяц — помолодевшая, похудевшая, с яркими живыми глазами, настроенная только на победу. Но с мужем не вышло. Тереза влюбилась насмерть — по законам жанра опять в объект недостойный и никак не вписывающийся в ее планы. Это был молодой красавец-балерун, жиголо, коварный и расчетливый. Здесь все было гнуснее и сложнее. Кроме Терезы, у балеруна были еще вполне внятные увлечения горячими поклонниками мужского пола. В одночасье Тереза стала для него и мамкой, и нянькой, и подружкой — кормила его, одевала, возила на курорты, делала ремонт в его захудалой однокомнатной квартирентке где-то на окраине. За все это получала жалкие крохи — изредка благодарность и уж совсем редко — вялые, непродолжительные ласки в форме одолжения. Вот тогда она начала носить в комиссионку столовое серебро и украшения. Худела, много плакала, караулила его ночами. Ненавидела и презирала себя, но ничего поделать с этим не могла. Решилось все само собой спустя три года — на гастролях в Германии коварный возлюбленный сбежал от своей труппы, разом избавив Терезу от невыносимых страданий и непомерных трат. Она поубивалась полгода и наконец-то стала приходить в себя — так восстанавливаются после тяжелой и изнурительной болезни. Увидела в зеркале и новые морщины, и седые волосы. Огляделась —

квартира прилично разграблена и опустошена. Да и очередь под дверью не стоит — годы. Но постепенно собрала себя по частям — поменяла обои, чтобы скрыть дырки после вынесенных из дома картин и тарелок, и нашла себе мужа. На ее жизнь глупостей достаточно. Кандидат в мужья был из академической среды, совсем незнакомой ей. Ученый с мировым именем, академик при всех регалиях, вдовец. Обработала и окрутила она его довольно лихо — для него она была вполне молода и, безусловно, все еще очень хороша собой. В довесок к мужу-академику ей досталась огромная запущенная квартира на Патриарших и дача в Мозжинке — гектар дремучего леса. Но главное не это — теперь у нее появился статус, она сделалась законной супругой академика. Вначале ей показалось, что это абсолютно другой мир — интеллигенция, ученые, совсем другие ценности. А когда разобралась, то оказалось, что все одно и то же — те же сплетни, зависть, подсиживания, интриги и интрижки. Что ж, в этом мире она вполне сумеет сориентироваться.

У мужа вечно были симпозиумы, конференции, лекции, поездки. Во всем этом она разбиралась слабовато, но лицо держала — будьте любезны. Жизнь началась спокойная, размеренная, сытая и тихая. Через четырнадцать лет Тереза опять овдовела. Правда, теперь беспокоиться ей было не о чем.

Страсти давно откипели, старость ей была обеспечена. Одиночество? Да и в этом есть своя прелесть. Ни ты ничего не должна, ни тебе. Правда, с годами объявились родственники — племянник Борис, сын ее младшей сестры, сорокалетний потасканный холостяк-неудачник, и племянница Люська — дочь от второй, старшей и уже умершей, сестры. Люська была нищая разведенка, играющая в простушку, вдруг крепко возлюбившая свою стареющую тетку, рьяно проявляющая о ней суетливую и бестолковую заботу, а на деле — хитрая, примитивная и расчетливая подхалимка. Тереза ее не выносила. А вот к молчаливому Борису относи-

лась снисходительно, периодически, правда, напоминая ему, откуда его вытащила. Борис, человек нервный, желчный, издерганный, был острым на язык. С Люськой они друг друга ненавидели и старались не совпадать. Тереза Борьку этого жалела, подбрасывала денег и даже, расщедрившись, купила ему машину. Он все это принимал с шутовскими поклонами и едкими комментариями — так он вроде отстаивал свою независимость. Люська страстно ему завидовала и постоянно пыталась вбить клинья между теткой и братом — ей доставались лишь выношенные пальто и старые туфли на сбитых каблуках. Она всегда приносила кулечек дешевых конфет — дескать, оторву от себя, но с пустыми руками не приду, — долго пила на кухне чай и без остановки канючила: еле притащилась, ноги промокли, сама вымерзла, а вот о тебе, тетя, дорогое человеку, не забываю. Тереза ее презирала и принимала только на кухне. Тогда же и появилась в Терезиной жизни Нана — одинокая, сбежавшая из Тбилиси от неустроенности и тяжелой любви.

Платила Тереза ей щедро и уже держала за родного человека. У Наны с Борькой начался несуразный, вялотекущий роман — да нет, даже не роман, а какие-то дурацкие отношения: без чувств, без обязательств, просто прибились друг к другу от тоски два одиноких человека. Нана смотрела на Борьку — тощего, узкоплечего, лысеющего, с вечной гримасой неудовольствия на лице, с потухшими глазами и бледным ртом — и вспоминала буйные черные кудри Ираклия, его прекрасные тонкие руки, черные влажные глаза и запах жизни и таланта, исходящий от него.

Что изменилось в ее жизни? Не прибавилось ни радости, ни счастья. А может, счастье было тогда, когда она приходила в его нетопленную лачугу, осторожно трогала холсты, приносила горячий лаваш и зелень, мыла в холодной воде кисти?

Нана налила в глубокую тарелку фасолевый суп, накрошила туда много зелени — привычка кавказского человека,

тонко нарезала хлеб, поставила все это на фарфоровый поднос с салфеткой и понесла в комнату Терезе. Та дремала в кресле.

— Обед, — сообщила Нана.

Тереза вздрогнула и открыла глаза.

— Господи, ну что ты орешь? — недовольно сказала она, подвинула к себе поднос и стала жадно есть.

Нана сидела напротив и молчала. Потом Тереза опять завела свою бодягу про наследство. Опять делила кольца, распределяла сервизы и картины, считала деньги, оставшиеся от продажи дачи в Можжинке, правда, они уже были почти «проедены». Объявляла в сотый раз, что Люське не даст ничего, а потом вспоминала, что она человек справедливый и что не обидит никого. Добавляла, что все-таки Люська мерзкая, а Борька — фрукт еще тот. Что-то лепетала по поводу Фонда мира, Красного Креста и детских домов. Нана молчала. Она унесла поднос на кухню и принялась варить кофе — себе и Терезе.

«Не спросила даже, ела я или нет, что за эгоизм, да вся эта семейка, вместе взятая, друг друга стоит».

Потом они пили кофе с печеньем, и Тереза, щурясь и стуча ногтем по блюдцу, все спрашивала у Наны:

— Ну а ты-то что про все это думаешь?

— Сама решай, — твердо останавливала ее Нана и просила в который раз с ней этих разговоров не вести.

Но Тереза была опытной провокаторшей.

— Дай коробку! — приказывала она.

Нана вздыхала и шла в спальню. Коробка стояла в шкафу под постельным бельем — на самой верхней полке. Это была старая и ветхая коробка из-под туфель, заклеенная по углам широким скотчем.

— Господи, как все надоело, — шептала Нана, слезая со стула.

Она входила в комнату и демонстративно шлепала коробкой об стол. В коробке звякало.